АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3 ББК 904 DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

А. В. Топычканов

МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт археологии РАН, Москва, Россия.

topychkanov@gmail.com

НАДГРОБИЕ Ф. А. ГОЛИЦЫНОЙ И ДРУГИЕ ПЛИТЫ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ XVI–XVII в. В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ¹

Памяти Лены Исааковны Шлионской —
genius loci Новодевичьего монастыря

В статье публикуются три надгробия конца XVI — XVII в., принадлежащие членам одного из наиболее известных и разветвленных кланов русской аристократии, князьям Голицыным. Повод для исследования дали широкие археологические работы, связанные с реставрацией Новодевичьего монастыря. Одна плита известна только по описанию (Федор Андреевич Голицын, †1591); вторая недавно найдена (Андрей Андреевич Голицын, †1626) и публикуется впервые. Обе принадлежат младенцам, по другим документам неизвестным. Третье надгробие — Феодосии Андреевны Телятевской, жены Ивана Андреевича Голицына (монашеское имя Евфросиния, в схиме Феврония), — было известно, но не публиковалось и детально не анализировалось. Исследование показывает необычность его оформления, включающего подпись мастера по имени Кузьма. Подписи резчиков надгробий в Москве XVI–XVII в. до сих пор не были известны. Уточнена и дата смерти Феодосии: 1652 вместо 1655 г. Поставлен вопрос о перемещенном характере надгробия Голицыной. Сделан вывод об отсутствии прочных связей Голицыных с Новодевичьим монастырем в XVI–XVII в.

Ключевые слова: генеалогия, эпиграфика, палеография, монастырская археология, раннее Новое время, Московское царство, надгробие, Голицыны, аристократия

Два десятилетия назад, планируя первые работы в Новодевичьем монастыре и отнюдь не представляя еще, чем это может закончиться, я решил помочь коллегам Н. С. Романову и Л. И. Шлионской с атрибуцией и публикацией двух интересных плит, открытых еще в 1980-х годах у апсиды Смоленского собора [Беляев, Романов, Шлионская]. Знакомясь, Л. И. Шлионская, как сотрудник ГИМ, провела меня по подклету, где я давно не бывал, и показала едва видимые буквы на потемневшем краю одного камня, присовокупив, что никто

¹Статья написана в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи великого переселения народов до Московской Руси - археологическое измерение» (ИА РАН).

не занимается уникальной надписью — В. Б. Гиршберг собирался, но, как известно, его свод дошел до 1650 г., а камень с пометкой на несколько лет моложе. Мне не совсем удобным казалось напрашиваться в эксперты, и дело отложилось в долгий ящик. Тем временем поколение уходит (сначала Лена Исааковна, потом Николай Сергеевич), а в монастыре пошли широкие работы, связанные с его обновлением и реставрацией.

В 2017–2018 г. переоборудование подклета собора позволило вплотную заняться этим давно известным русской науке некрополем, который в результате значительно верифицирован и сейчас готовится к изданию². Для этого необходимо поработать с каждой из плит и саркофагов, разобрать возникающие сюжеты. Один из них — надгробные памятники ранних представителей семьи Голицыных.

Истоки прославленного рода просматриваются довольно смутно (что верно и для многих других родов), но в XVII в. их генеалогия прослеживается уже довольно отчетливо. Это не значит, однако, что в ней все ясно — остается немало путаницы, которую усугубляют, как это часто бывает, давно ставшие привычными «факты», которые не приходит в голову проверять. Нам этим придется поневоле заняться. Для Голицыных Новодевичий монастырь не был «своим», главными для них оставались Троице-Сергиев, а позже московский Богоявленский. Однако в число жертвователей они входили и были вписаны в синодик.

Для конца XVI — середины XVII в. в монастыре известны три плиты с этой фамилией.

1. Плита Федора Андреевича Голицына (1591 г.)

В списке погребенных в подклете Смоленского собора, опубликованном еще в 1791 г. на основе копий текстов из Портфелей Г.-Ф. Миллера, есть строка: «7099 (1591) августа 27 день князь Феодор, сын князя Андрея Ивановича Голицына»³. Из других источников Феодор Голицын не известен, видимо, он умер в детстве. Считалось, что это единственное голицынское погребение в монастыре [Голицын, с. 394, примеч. 1].

Мы этого камня в подклете не обнаружили, как и ряда других надгробий, пропавших еще в XVIII–XIX в. Зато в нашем распоряжении оказались две другие плиты, несущие имена Голицыных.

2. Плита Андрея Андреевича Голицына (1626 г.) (Рис. 1)

Плита найдена в 2015 г. в засыпке пола Лопухинского корпуса, стоящего у северных врат монастыря, далеко от храмов и некрополя. Плита «детского» размера, с гранями неравной длины. Оформление очень архаично для начала второй четверти XVII в.: треугольчатый орнамент к тому времени практически ушел из оборота. При этом плита надписана очень уверенно и ловко. Крупные буквы (6 строк) занимают всю плоскость внутри рамки и хорошо читаются:

Лета З/РЛЕ (7135 — 5509 = 1626) сентября в / КИ (28) день преставися раб / Божий
младенец / князь Андрея князь Андреев сын / Андреевича Голицына.

Отец ребенка — младший из двух сыновей боярина Андрея Ивановича Голицына Скурихи, Андрей Андреевич, — умер через 12 лет (22 сентября 1638 г.). Его старшим братом был Иван, а из двух сестер, Ирины и Феодоры, младшая была второй женой князя Дмитрия Пожарского, умерла в 1651 г. и, видимо, погребена в его родовой усыпальнице в Суздале [Беляев, 2013, с. 36, рис. 25 и 26]. Служба А. А. Голицына складывалась благополучно: с 1618 г. — стольник, в 1625–1631 г. — московский дворянин, затем — городской воевода в Тобольске. После возвращения из Тобольска пожалован стряпчим, а 6 января 1638 г. — боярином. В январе — сентябре 1638 г.

² См. предварительную публикацию: [Беляев, Григорян, Шуляев].

³ В «Московском некрополе» этот текст дан с отсылкой на Древнюю российскую вивлиофику [Надписи, с. 301]: «Голицын, князь Федор Андреевич, сын князя Андрея Ивановича Голицына, ум. 27 августа 7099 (1591) г., на память свв. Адриана и Наталии (Новодевичий монастырь; под соборною церковью). — ДРВ, изд. 2-е. Ч. XIX. С. 301» [Николай Михайлович, с. 302].

был судьей Владимирского судного приказа; в апреле — сентябре — Приказа сбора ратных людей. Во время летнего похода Михаила Федоровича «оставлен ведать Москву».

Он фактически стал основателем рода. Жена, Евфимия Юрьевна Пильмова-Сабурова⁴, родила ему четверых сыновей, давших начало четырем ветвям рода Голицыных: Василия (1629/1630 (?) — 1652), Ивана (1630/1631 (?) — 1690), Алексея (1632—1694) и Михаила (1639/1640—1687).

Младенец Андрей, упомянутый на плите, среди детей известен не был. Видимо, это первенец Андрея и Евфимии: их брак восходит к 1623/1624 г., и ребенку в 1626 г. могло быть около года.

Причина погребения этих двух младенцев именно в Новодевичьем монастыре неясна. Еще сложнее понять, как появилась в монастыре плита Феодосии Андреевны Телятевской, жены старшего брата боярина Андрея Голицына, Ивана Андреевича. Это вообще довольно необычный памятник.

3. Плита Феодосии Андреевны Голицыной (Телятевской) (1652 г.) (Рис. 2)

Плита Ф. А. Голицыной лежит в настоящее время в подклете Смоленского собора почти по оси северо-восточного столба, между ним и простенком, разделяющим центральную и северную апсиды. Под ней (на глубине менее метра) — крупный белокаменный антропоморфный саркофаг, от которого она существенно сдвинута к западу и немного к северу. Южнее — крупный кирпичный склеп, севернее — три могилы с погребениями в деревянных гробах, без каменно-кирпичных сооружений. Возможно, саркофаг и плита связаны, но доказать это было бы трудно (даже если вскрыть саркофаг). Отметим, что 1650-е годы — время прекращения производства антропоморфных саркофагов, хотя они еще встречаются.

Есть и другие основания сомневаться в единстве комплекса. Дело в том, что плита сохранила лицевую поверхность, но у нее нет нижней части: примерно посредине своей высоты камень сколот по горизонтали. Под сколом — небольшая (15—20 см) прослойка переработанного грунта с подмосткой из кирпича (вероятно, чтобы выровнять неровные сколы). Можно думать, что верхнюю часть с надписью аккуратно скололи с целью переместить, но другие подобные случаи нам неизвестны.

Надгробный камень можно оценить как в целом обычный для второй четверти — середины XVII в.: трапециевидный в плане, он сужается к ногам (185 × 80 и 60 см) и очень высок (см. ниже). Боковые грани украшает цепочка из каннелюр с пущенными вверх двумя полосами крупных треугольников и полосой косых ленточек с разгранкой — классическая композиция второй четверти столетия. Расстояние между каннелюрами среднее: ширина просвета между каннелюрой и ложбинкой примерно равна самой каннелюре. Хотя полная высота плиты неизвестна, ее можно оценить как 70—75 см, описав оформление отсутствующей части как симметричное верхней (во множестве других случаев это именно так).

До наших работ плита была вполне доступна обозрению, но ее изучали только поверхностно — отчасти этому препятствовал пол, который закрывал обломанный низ плиты. Б. В. Гиршберг упомянул о подписи резчика на камне, оговорив, что прочесть ее не удастся. То же самое повторила О. А. Трубникова (орнамент боковых граней она описала неточно). Ни полного чтения надписей, ни описания плиты никто не публиковал. А сделать это стоит хотя бы потому, что визуальный анализ выявил ряд интересных деталей. Это, действительно, необычный памятник — хотя бы потому, что на камне не одна, а три надписи, включая совершенно уникальную.

⁴ Брак заключен в 1623/1624 г., согласно сохранившейся данной Анастасии Алексеевой дочери Андреевича Писемского, вдовы Юрия Григорьевича Пильмова, своему зятю князю Андрею Андреевичу Голицыну на приданую вотчину своей дочери Офимьи село Смоличи с деревнями в Костромском уезде и село Тяпкино с деревнями в Переславском уезде (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. / Под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М., 2010. С. 194).

Лицевая, верхняя грань плиты оформлена, так сказать, с претензией, но не особенно искусно и не без странностей (Рис. 3). Типовая рамка из полосы плетеного орнамента сохранена, но нет центрального клейма и нижней полосы-разделителя: вся поверхность внутри плетеной рамки выбрана (на глубину около 1,5 см), чтобы получить выступающие буквы («обронная работа»); фон покрашен яркой темно-синей краской⁵. У резчика получилась надпись в 8 строк, разделенных широкими промежутками. Почерк — вязь с лигатурами и выносами.

Текст читается уверенно:

Лета ЗРѣ-г(о) г(о)ду / марта въ КГ (23) д(е)н(ь) пре/ставися раба Божия / боярина князя Ивана / Одреевича Голицына / княгиня Феодосия / Одреевна во иноцех / скимница Феврония.

Между цифрами 7 и 160 помещен Голгофский крест. Дата хорошо сохранилась и читается вполне ясно: «Лета 7160-г[о] году» (Рис. 4а, 4б)⁶. Учитывая смерть в марте, это 1652 г.⁷ Однако до сих пор все публикации называли другую цифру — 1655 г. Посмотрим, как она появилась и стала привычной.

В переложении текст с плиты был опубликован через столетие после «списка 1791 года». Он внесен в «Московский некрополь» на основе записей А. А. Мартынова: «Голицына, княгиня Феодосия Андреевна, во иноцех схимница Феврония, жена боярина князя Ивана Андреевича Голицына, ум. 23 марта 7163 (1655) г. (Новодевичий монастырь. — Записи А. А. Мартынова, ркп. у А. А. Титова)» [Николай Михайлович, с. 291]. На этот текст, видимо, опирался «План 1887 года», труд П. Н. Петрова [История родов русского дворянства, с. 338–359], картотека Московского некрополя М. Ю. Барановской⁸, обзор О. А. Трубниковой [Трубникова] и другие.

Очевидно, А. А. Мартынов совершил типовую ошибку чтения и включил в число лет тесно прилегающий к дате *глаголь*. На самом деле *глаголь* здесь — начало слова «года», которое довольно часто встречается после буквенной цифири⁹. Недавно об этом уже писалось, ситуация совершенно однотипная, и за аргументами отсылаем к статье о дате смерти В. И. Ховриной [Беляев, 2015]. Отметим, что крупная точка, поставленная здесь перед *кси*, встречается в обронных надписях как для отделения последней букво-цифры, так и для завершения числа.

Обронная парадная надпись — не единственная на плите. Она повторена в торце изголовья, и странно, что никто из предшественников об этом вообще не упомянул. По-видимому, для того чтобы нанести надпись, на торце был заглажен орнамент: его следы видны выше врезной рамки, которая украшена отходящими от углов тонкими побегам с листиками (Рис. 5).

После снятия пола вторая надпись стала видна целиком. Это типичный пример оформления торца: поле в пределах простой рамки стремились заполнить от края до края, чтобы надпись не уходила слишком низко. В результате она уместилась в сохранной части плиты. В ней три строки в обычной врезной манере, с тонкими линиями мачт. Буквы существенно повреждены и перекрыты цементом (его механическое удаление было бы опасно для рыхлого известняка), но в целом текст понятен. Последние слова — «во иноцех скимница Феврония» — позволяют думать, что он дословно повторяет написанное на верхней грани. В начале надписи идет традиционное «Лета ЗРѣ-го», очень похожее по написанию на обронный вариант, даже *аз* опять

⁵ Покупали готовую плиту с типовым орнаментом, а мастеру заказывали текст — видимо, не только слова, но и тип исполнения. Известны варианты обращения с изначальным оформлением: сохраняют весь декор, углубляя только пустые поверхности; декор удаляют, частично сохраняя только рамку; и т. п.

⁶ Интересно, что из выносных букв только *добро* нарезано оброном — две другие буквы обычные врезные.

⁷ В статье о надгробии Елены Девочкиной дата «1652 г.» уже была предложена и не вызвала возражений — возможно, этого просто не заметили (см.: [Беляев, Романов, Шлионская]).

⁸ Архив ИРИ РАН. Ф. 21. Картотека «Московский некрополь».

⁹ И в написании, и в чтении этих частей дат известны варианты, которые нужно разбирать в отдельном исследовании. У нас слово «году» образуют две буквы в строке (ГО) и две — над строкой (ДУ), в то время как стоящий до них надстрочный *глаголь* — сокращенная огласовка окончания числительного: «шестидесято-г[о]». Чтение обсуждалось с В. А. Курмановским, которого сердечно благодарим за поправки и комментарии.

повернут зеркально. Выносных букв для огласовки числительного и для слова «году» не видно из-за повреждений.

Наконец, есть и третья надпись, которая уже упоминалась. В правом нижнем углу лицевой грани, на поле за пределами плетенки, оставлена широкая гладкая полоса. На ней, справа, мастер насекает строчку, гордо отметив свою работу. Ранее читали три первых слова: «Сей камень резал...» (Рис. 6а, 6б). Нам удалось добавить четвертое, это имя мастера: Кузма. Оно написано отчетливо, отдельными буквами¹⁰. Последнее, пятое, слово начинается с буквы П, далее безусловно различимо Д и еще 3–4 буквы. Вместе получается: «сей камень резал Кузма П...д...»¹¹. Видимо, Кузьма резал все три надписи — его руку выдает то, что в «граффито» обе буквы аз также написаны наоборот! Это ясно, несмотря на упрощенный почерк и ничтожно малый размер строки.

Плиту делает необычным не только присутствие трех надписей, в том числе редчайшей в своем роде подписи резчика. Привлекает внимание манера оформления лицевой грани. Так, верхнюю строку обронной надписи вместо привычного круглого клейма разрывает Голгофский крест, что нехарактерно для оформления лицевой грани, хотя обычно для торцевых надписей конца XVII в. Окружающий его венок с лентами, замысловато сплетенными внизу, столь же нетипичен для изображений крестов в России.

Необычны и сами формы обронных букв, и композиция надписи. В Москве самые древние выпуклые надписи восходят к XV–XVI в.¹² В начале XVI в. техника выборки не сплошная, а строчками, буквы же тонкие и ровные — так выглядит надпись на обломке плиты из Спасского собора Андроникова монастыря [Гиршберг, 1960, № 104, с. 48, табл. 6, рис. 1]¹³ и щегольски нарезанный фрагмент камня некоего Феогноста Кудрина с практически целой надписью и указанной датой 1519 г.¹⁴ В середине века выборка фона уже сплошная¹⁵. В XVI в. серьезного распространения обронная техника не получила, ее используют от случая к случаю. Так, на богатейшем некрополе Троице-Сергиевой лавры, где плит с надписями насчитывается 370, для XVI в. обронных только три [Вишневецкий, с. 316–319].

Период максимального распространения оброна наступит гораздо позже и совпадет с эпохой настенных табличек последней трети XVII — первой половины XVIII в. (зачастую памятных — на них собирали имена нескольких родственников, умерших в разное время). Видимо, табличкам обронная техника была присуща изначально — именно так надписаны торцы надгробниц в Архангельском соборе Кремля (отвечают ли они указанным датам XVI в. — не вполне ясно) и аристократических некрополей, таких как усыпальница Пожарских XVII в. в Суздале, Владимирская церковь Кирилло-Белозерского монастыря и т. д. К этой группе плит можно условно отнести шедевр обронной резьбы, надгробные «скрижали» Симеона Полоцкого [Беляев, 2018], нарезанные после 1680 г., и надгробный комплекс в центральной апсиде Смоленского собора Новодевичьего монастыря, отмечающий останки царицы Анны Иоанновны (†1550),

¹⁰ Для первого прочтения оказалось очень важным заполнить бороздки белым раствором, а потом стереть лишнее. Этот остроумный прием применила сотрудница экспедиции А. В. Ульянова, проводившая съемку надгробий в подклете.

¹¹ В. А. Курмановский предложил ряд версий, наиболее обоснованная: «Подъвин» или «Подъвин». В источниках фигурирует Пасказиус (Паскав, Паскаль) Подевин (Подовин, Потивин), француз, мастер водовзводного дела, виноградарь и резчик по металлу, приехавший в Москву в 1649 г. [Словарь архитекторов, с. 488]. Правда, на данный момент нет подтверждений, что его звали Кузьмой. Иностранным происхождением может объясняться написание буквы аз не в ту сторону, а также то, что плита вообще подписана.

¹² Надпись в нижней части Борисоглебского креста 1467 г.; тверское надгробие А. И. Острожева 1499 г.; храмовая надпись 1532 г. из с. Серединское Калужской области; «таблицы» надгробниц Иоанна IV Грозного и его сыновей (1582, 1584, 1598 г.) и др. — полного перечня здесь не даем.

¹³ Фрагмент со словом «преставися» найден в 1955 г. и датирован первой половиной XVI в., скорее это первая четверть столетия.

¹⁴ Видимо, с одного из пригородов Москвы («кладбище на Народной улице») (см.: [Беркович, Егоров, с. 591–593]).

¹⁵ Как у давно известной надписи «мастера Повилики» из с. Возмище 1541 г. (см.: [Гиршберг, 1960, с. 29, № 44]).

перенесенные в 1685 г., о чем рассказано в особой надписи. Отметим, что квадратные таблицы устанавливали не только в торцы, но и на плоские невысокие постаменты, горизонтально, в том числе и вне церквей, покрывая затем кирпичные основания побелкой, а белокаменную резьбу — покраской¹⁶.

Что касается гробообразных надгробных плит, то здесь обронная работа и в XVII в. имеет очень ограниченное распространение. Все образцы штучные, заказные. Только первая половина века дает небольшую серию сходных между собой изделий. Их отличает одинаковая техника резьбы в сочетании со сложными растительными орнаментами восточного стиля. Наиболее ранний пример — «ориентальная» плита Г. А. Пальчикова (1624 г., некрополь Спасо-Преображенского монастыря в Казанском Кремле, см.: [Ситдинов, Шакиров]). В 1630–1640-х годах таких плоско лежащих надгробий с обронной резьбой на исследованных некрополях Москвы и Подмосковья обычно фиксируют от 1 до 3: на кладбище Георгиевского монастыря плит две (княгини Мезецкой 1633 г. и безымянная 1640 г. [Гиршберг, 1954, с. 113, 124]); в Богоявленском «за Торгом» — тоже две (И. И. и В. И. Зубовых 1638/1639 г. и безымянная 1641 г. [Беляев, 1996, с. 306–307, фото 33–34]); в Зачатьевском — одна (попадья Наталья / схимница Неонила (?), середина (?) XVII в. [Беляев, Кренке, с. 49, ил. 8]); у церкви Сергия в Старых Серебряниках — одна (семья С. Г. Челищева, 1640-е годы [Беляев, 1996, фото 113–115]), в Троице-Сергиевом монастыре для этого времени одна (князь С. И. Велико-Гагин, 1640 г. [Вишневский, с. 119, ил. 3]), в Троицком Белопесоцком монастыре — фрагменты 1630–1640-х годов [Шамин, с. 192, с другой датой]. Надгробие И. М. Воротынского из Троице-Сергиева монастыря с указанной датой 1535 г. В. Б. Гиршберг правильно датировал XVII в., хотя это, скорее, не первая четверть столетия, а те же 1630–1640-е годы [Николаева; Гиршберг, 1960, с. 5–6]. Допустимо думать даже, что многие из московских памятников нарезаны в одной мастерской. Кроме растительных восточных мотивов, резьба этих плит имеет общие черты в палеографии: шрифт вычурный и тоже слегка ориентализован, отдельные буквы отвечают образцам второй трети XVII в.: *йоты* и *мыслете* с перехватами в виде песочных часов с кругом посередине; сильно изогнутые, иногда процветшие завершения и хвостики букв (таких как *глаголь*) и т. п.

В Новодевичьем монастыре обронная резьба как таковая представлена, впрочем, довольно обильно. В подклете с 1660-х годов умножатся многословные квадратные таблицы, в 1680–1690-х годах они особенно распространятся; в основном они вмонтированы в лицевую (верхнюю) грань ныне существующих кирпичных надгробниц. Встречаются и большие цельные плиты. Прежде всего, это плита первой игуменьи монастыря, Елены Девочкиной (†1548), найденная рядом с плитой инокини Феодосии с указанной датой 1611 г. (это *terminus post quem* обеих плит — видимо, их нарезали в Смутное время или позже). Резьба всех таблиц и плиты Девочкиной исключительно профессиональна, даже суховата: промежутки выдержаны, буквы плотной вязи (как будто напечатаны на 3D-принтере или отлиты на литье — такие они ровные и гладкие), пропорции устойчивые.

Но, сравнив их с парадной надписью надгробия боярыни Феодосии Андреевны, найдем только слабое сходство. Различий больше. Буквы на плите Голицыной кажутся слишком крупными. Промежутки между первыми строками великоваты (примерно половина высоты буквы), и в результате надпись не поместилась: предпоследний просвет пришлось резко сократить, а последний почти ликвидировать. Ясно, что размер букв и просветов не был точно рассчитан. На первый взгляд, рисунок букв схож с типичными обронными плитами XVII в. Но мачты на нашей плите гораздо толще, традиционных украшений у них нет, зато некоторые

¹⁶ Такова надгробница над могилой архимандрита Акакия 1670 г. в Новом Иерусалиме — ключевой аналог для памятников в подклете Смоленского собора. Существует гипотеза о полной перекладке надгробниц при реставрации подклета в 1870–1880-х годах. Для ряда памятников это, видимо, так и было.

буквы (особенно *добро*) получили изогнутые ножки; у *кси* появился лишний изгиб, и она стала змееобразной; в имени «Иван» у *веди* нет нижней соединительной черты, и она похожа скорее на *како*. Многие буквы нарезаны не вполне уверенно (особенно округлые: *он*, *омега*, *земля*, *слово*), другие не вписаны в отведенное им пространство и плохо выдерживают размеры (они, что называется, прыгают). Но самая разительная отличительная черта, конечно, появление зеркальных вариантов букв *аз* (5 случаев из 8, в основном в начальных строках, как будто писавший потом выправился) и *червь*. В то же время другие, особенно выносные, сочетания довольно сложны, дважды использовано *наш* + *аз*. Такое впечатление, что у резчика была прорисовка отдельных букв, но он не до конца понимал, как ею распорядиться.

Трудно сказать, с кем мы имеем дело в лице резчика Кузьмы. Во всяком случае, судя по уникальной приписке, он человек грамотный, легко оперирующий текстом и несколько хуже — резцом. Можно осторожно предположить его знакомство с западной православной иконографией (о чем говорит сложная форма креста, да и само его появление на горизонтальной плите). И все же он вряд ли профессиональный резчик надписей, хотя бы потому, что те не подписывали своих работ.

Голицыны и монастырь

Несомненно, надписи на плите Феодосии Голицыной (Телятевской) рожают больше вопросов, чем тексты, упоминаящие двух малышей 1590—1620-х годов. После того как обнаружили ее особенности и ошибка чтения даты А. А. Мартыновым, некоторые гипотезы отпали сразу, в том числе остроумная попытка связать приведенное у Павла Алеппского¹⁷ описание погребения княгини-инокини в Новодевичьем монастыре с Феодосией Голицыной (не соответствует год)¹⁸.

Другие письменные источники о связях Голицыных и Телятевских с Новодевичьим монастырем пришлось проверить специально. Вкратце результаты проверки таковы.

Жена князя Ивана Андреевича Голицына упоминается в перечне приезжих боярынь царицы Евдокии Лукьяновны (Стрешневой) уже с 1617 г. [Забелин, с. 349]. Но ее зовут Софья Андреевна. Несколько имен — распространенное явление у русских бояр (в том числе у братьев Феодосии¹⁹ [Глызина]), особенно если они приняли монашеские обеты²⁰. Княгиня Голицына как Феодосия впервые упомянута в 1629 г. в связи со ссылкой князя Ивана Андреевича Голицына в Соль Вычегодскую²¹, и, как мы знаем, ее отчество то же, что у Софьи, — Андреевна. Идет ли речь об одной и той же женщине, или о двух разных²², поскольку князь вполне мог овдоветь и вновь жениться между 1617 и 1629 г., остается вопросом.

Имя Феодосии позже фиксирует государева отказная грамота от 18 января 1645 г., давшая И. А. Голицыну и «жене его княгине Федосье Андреевне, князь Федорове [Телятевского] сестре родной» право на выкуп вотчин князя Федора Андреевича Телятевского, которые он завещал Троице-Сергиеву и Кирилло-Белозерскому монастырям [Головин, с. 68—69]. И. А. Голицын выкупил ряд вотчин Ф. А. Телятевского, в том числе село Микулино (Микулино городище).

¹⁷ Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2012. Кн. 9. Гл. 11. С. 376—378.

¹⁸ Был вычислен день посещения монастыря (27 марта), затем сопоставленный с днем смерти Феодосии, указанным на плите (23 марта). Гипотеза выглядела убедительно при чтении года смерти как 1655 г. (см.: [Трубникова, с. 111 (без аргументации); Косицына, с. 122—123]) и с тех пор встречается в популярной литературе.

¹⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 86, 87.

²⁰ Например, для матери князя Дмитрия Пожарского известно 4 имени: крестильное Евфросиния, светское Мария, монашеское Евдокия и схимническое Евникия [Беляев, 2013, с. 242].

²¹ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. С. 194.

²² Так думал Н. П. Лихачев, первым указавший на два имени жены князя И. А. Голицына и полагавший возможным первый брак Голицына с некоей Софьей Андреевной [Лихачев, с. 18].

Через год Феодосия упоминается под девичьей фамилией и с иноческим именем. В 1646 г. «...княжна Александра Андреевна Голицына по приказу княгини Феодосьи Андреевны Телятевских во инокинях Ефросиньи»²³ вложила комплект покровцов в Кирилло-Белозерский монастырь, где погребен брат Феодосии, князь Ф. А. Телятевский (†1644). Ее супруг, И. А. Голицын, тогда же внес основные вклады, из которых сохранилась плащаница на гроб Телятевского²⁴. Неясно, писалась ли Феодосия в 1646 г. инокиней, под девичьей фамилией при живом муже потому, что рано ушла в монастырь, или дело в «разъяснительном» характере более поздней записи. Других упоминаний о Феодосии нет. И все это не имеет никакого отношения к Новодевичьему монастырю.

Сам И. А. Голицын последний раз упомянут в боярских списках и книгах за 1649/1650 г. Он скончался 30 августа 1654 г. [Голицын, с. 117; Николай Михайлович, с. 297]²⁵, но погребен (вторично?) только в феврале 1655 г. в Троице-Сергиевом монастыре²⁶. Его могила находилась у северной стены Троицкого собора [Леонид (Кавелин), с. 5]. Дело в том, что летом 1654 г. Москва и Троицкий монастырь находились в карантине из-за эпидемии, перевозка тела была невозможна. Его жены Феодосии, судя по дате на плите, в тот момент давно не было в живых. Это подтверждает челобитная княгини Марфы Ивановны Одоевской (урожденной Голицыной). Она претендовала на родовые вотчины своих братьев «в третьем колене» и незадолго до 21 ноября 1654 г. сообщила, что «ныне судом Божиим брата моего, боярина Ивана Андреевича, не стало, а жены и детей у него не осталось»²⁷. И. А. Голицын успел в 1654 г., до своей кончины, продать князю Г. С. Куракину приданое своей жены, родовую вотчину князей Телятевских [Головин, с. 72]. Это вряд ли удалось бы, будь она жива.

Ни один источник, кроме надписей на плите, не называет ни даты и места пострижения и смерти Феодосии, ни ее имени в схиме. Как уже сказано, плита Софии (?) — Феодосии — Евфросинии — Февронии Голицыной (Телятевской) выглядит в Новодевичьем монастыре чужеродным включением с точки зрения оформления оброчной надписи и слишком большого размера в сравнении с обычными плитами в подклете Смоленского собора. Вряд ли ее готовили именно туда. Да это и не целая плита, а только верхняя часть.

Была ли вообще Феодосия погребена в Новодевичьем монастыре? Важно, что И. А. Голицын, пережив супругу на годы, не дал вклада на ее поминание в Новодевичий монастырь: в его Вкладной книге 1674/1675 г. сведения об этом отсутствуют. Однако в Синодике Новодевичьего монастыря 1705 г. в разделе «Род боярина князя Иоанна Андреевича Голицына, да Никулиных, и Телятевских» есть имя «княгини схимницы Феодосии»²⁸. Этого недостаточно, чтобы говорить об особом отношении Голицыных к монастырю, но указывает на большую вероятность того, что Феодосия приняла схиму именно здесь.

Других свидетельств связи семьи князя И. А. Голицына с Новодевичьим монастырем немного. Это, прежде всего, хранившиеся в монастырском архиве в XVII в. «Книги церковному каменному строению церкви Иоакима и Анны с приделами, что строил боярин князь Иван Андреевич Голицын по обещанию своему, белые и черные, а которого году и где та церковь строена, того

²³ Цит. по: [Глызина].

²⁴ Ныне в Русском музее (см.: [Описание, с. 97]).

²⁵ В литературе иногда встречается другая дата смерти — 30 августа 1655 г., но она противоречит дате погребения — февраль 1655 г., которая подтверждается письменными источниками, см. прежде всего: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 136.

²⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 136.

²⁷ Акты Московского государства / Изд. под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. Т. 2. Разрядный приказ, Московский стол. 1635–1659 гг. С. 387.

²⁸ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корещкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. Вып. 2. С. 239–240.

в прежней переписной книге не написано ж»²⁹. Возможно, речь идет о возобновлении церкви, которая была построена еще при Грозном, стояла без освящения и позже, видимо, была разобрана (1685 г.). Записаны два традиционных денежных вклада по 100 руб.³⁰ Наконец, сохранился комплект (воздух и два покрывца XVII в. (?)) с вышитым родовым именем: «Голицыны» [Косицына, с. 120–121]³¹.

Всего этого крайне мало, особенно в сравнении с реальным некрополем Голицыных первой половины XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре [Леонид (Кавелин), с. 4–5, 23], Кормовая 1672/1673 г. и Вкладная 1674 г. книги которого содержат массу имен представителей рода и вкладов в который исчисляются в тысячах рублей³² [Кириченко, Николаева, с. 170–171].

Показательно, что первый список погребенных в подклете Смоленского собора, 1791 г., плиту Ф. А. Голицыной не учел — а ведь ее трудно не заметить, да и читается она легко. Зато на «плане 1878 года» плита есть. Возможно, она предназначалась для «строящейся» церкви святых Иоакима и Анны, а в подклет была перенесена со временем (возможно, вместе с погребением). Напомним, что в Смоленском соборе был перезахоронен прах царевны Анны Иоанновны (в 1685 г.) и, возможно, в первой половине XVIII в., царевен Екатерины Алексеевны и Евдокии Алексеевны [Шлионская].

Характерно, что памятник Феодосии, кажется, имелся и в родовой вотчине Телятевских, селе Микулино, которое было возрождено ее братом Федором [Головин; Тверские акты, с. 196] и выкуплено в 1645–1646 г. И. А. Голицыным. В начале XIX в., при реставрации собора, часть старых надгробий убрали³³, а в 1850-х годах возник настенный синодик, где в числе правнуков князя Петра Ивановича Микулинского-Телятевского названа «Федосья Голицына» [Историческая записка, с. 16; Снегирев, с. 10; Шереметевский]. Никто из описавших этот некрополь надписей на плитах не приводит, возможно, их не застав. На что опирается «синодик» 1850-х годов — неясно, видимо, не на эпитафии. Даже если предположить существование памятника схимницы Феодосии в Микулине, то его следует считать скорее не надгробным, а мемориальным, подтверждавшим родовые права Голицыных на Микулино (ср.: [Стефанович, с. 144]).

Таким образом, можно предполагать какие-то связи семьи Андрея Скурихи с Новодевичьим монастырем, поскольку здесь хоронят его сына и внука — их могли похоронить на родовом кладбище матерей (как это часто бывало), или по иным, неизвестным нам причинам. Но Голицыны явно не видели Новодевичий монастырь своим семейным кладбищем. Это же можно сказать, кстати, и о князьях Телятевских. С большой долей вероятности можно предположить, что княгиня Феодосия Голицына приняла схиму в Новодевичьем монастыре, но первоначально не была погребена в подклете Смоленского собора, ее надгробие было перенесено сюда позднее. Выявленные источники не позволяют локализовать ее первоначальное погребение; оно могло находиться на месте строившейся церкви святых Иоакима и Анны или на открытом кладбище Новодевичьего монастыря. Память ее сохраняли также и в церкви Михаила Архангела села Микулино, но ее погребение там маловероятно.

Новые данные для решения этих вопросов могло бы дать обнаружение в Новодевичьем

²⁹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. С. 412.

³⁰ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. М., 1985. Вып. 1. С. 168, 176, 186, 195. Гораздо позже, в 1757 г., во Вкладную книгу был дописан вклад княгини Татьяны Алексеевны Голицыной по своим родителям (Там же. С. 204).

³¹ Точной даты предметы не имеют. Комплект появляется в описях только с 1860 г. Вполне вероятно, что он и сделан, и вложен позже смерти Феодосии. Отметим, что и сама подпись одной фамилией мало характерна для вкладов, обычно вещи надписывают очень подробно.

³² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 135–136.

³³ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / [Подгот.] Е. В. Барсов // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С. 234.

Рис. 1. Плита А. А. Голицына (1626 г.)

Рис. 2. Плита Ф. А. Голицыной (1652 г.). Общий вид с северо-востока на боковую грань плиты и
нижележащий саркофаг

Рис. 3. Плита Ф. А. Голицыной (1652 г.). Обронная надпись на верхней грани

Рис. 4 А

Рис. 4 Б

Рис. 4. Плита Ф. А. Голицыной (1652 г.). Обронная надпись: а) верхняя строка с датой; б) выносные буква Г, Д и Г в конце строки

Рис. 5. Плита Ф. А. Голицыной (1652 г.). Врезная надпись на торце изголовья

Рис. 6 А

Рис. 6 Б

Рис. 5. Плита Ф. А. Голицыной (1652 г.). Подпись мастера Кузьмы на верхней грани: а) без заполнения; б) с канавками, заполненными пастой.

монастыре остатков церкви (церквей?) Иоакима и Анны, а также приведение в известность документов о переносе останков царевны Анны Иоанновны, которое до сих пор известно только по тексту каменной таблицы в подклете собора.

Литература

- Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. М., 1996. 563 с.
- Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. 260 с.
- Беляев Л. А. О дате смерти В. И. Ховриной, первой жены боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева // Российская археология. 2015. № 3. С. 146–150.
- Беляев Л. А. Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 501–516.
- Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 5–20. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Беляев Л. А., Кренке Н. А. Монастырский некрополь XVI–XVII вв. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 44–50.
- Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И. Надгробия игумении Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // Российская археология. 2010. № 2. С. 156–165.
- Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. 768 с.
- Вишневский В. И. Обронные надписи на надгробиях в Троице-Сергиевой Лавре // Вопросы эпиграфики. М., 2015. Вып. 8. С. 314–329.
- Гириберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 95–130.
- Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 3–77.
- Глызина Л. И. Был ли князь Ф. А. Телятевский иноком Епифанием? // Вестник Кирилло-Белозерского музея. 2009. № 6. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=5468> (дата обращения: 01.12.2019).
- Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. Материалы родословные. XVIII, 611 с.
- [Головин Н. Г.] Микулинская летопись, составленная по древним актам с 1354 до 1678 г. М., 1854. 79 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 2001. Т. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 772 с.
- Историческая записка о селе Микулино Городище и древней в нем находящейся соборной каменной во имя св. Архангела Михаила церкви. Тверь, 1852. 26 с.
- История родов русского дворянства: В 2 кн. / Авт.-сост. П. Н. Петров. М., 1991. Кн. 1. 430 с.
- Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. 519 с.
- Косицына М. Ю. Лицевое шитье XVII века из княжеских и боярских светлиц в собрании музея «Новодевичий монастырь» // Древнерусское художественное шитье. Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля. М., 1995. Вып. 10. С. 115–126.
- Леонид (Кавелин), архим. Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880. 101 с.
- Лихачев Н. П. Новое родословие князей Голицыных. СПб., 1893. 26 с.
- Надписи, находящиеся в Новодевичьем Московском монастыре в церквах и разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1791. Ч. 19. С. 293–304.
- Николаева Т. В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // Советская археология. 1957. № 1. С. 251–255.

- Николай Михайлович, вел. кн. Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. XXIV, 519 с.
- Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / Сост. архим. Варлаам. М., 1859. 104 с.
- Ситдигов А. Г., Шакиров Э. Г. Надписное надгробие XVII в. из раскопок Казанского кремля // *Archeologia abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*. М., 2009. С. 385–394.
- Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / Отв. ред. И. Л. Бусева-Давыдова. М., 2008. 772 с.
- Снегирев И. М. Собор в селе Микулино Городище. М., 1851. 24 с.
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. 349 с.
- Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией / Под ред. С. А. Шумакова. Тверь, 1896. Вып. 1. 198 с.
- Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // *Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана)*. М., 1991. С. 106–123.
- Шамин С. М. Надгробия Троицкого Белопесочного монастыря // *Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду*. М., 2006. Вып. 1. С. 385–394.
- Шлионская Л. И. Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // *Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции, 1995 г.* М., 2001. С. 94–113.
- Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. IX, 1008 с.

References

- Belyaev, L. A. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie* [Russian Medieval Tombstone]. Moscow, 1996. 563 pp.
- Belyaev, L. A. *Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya* [Ancestral Tomb of Princes Pozharsky and Khovansky in the Monastery of Our Saviour and St. Euthymius in Suzdal: 150 Years of Study]. Moscow, 2013. 260 pp.
- Belyaev, L. A. O date smerti V. I. Khovrinoi, pervoi zheny boyarina Nikity Romanovicha Zakhar'ina-Yur'eva [On the Date of the Death of V. I. Khovrina, the First Wife of the Boyar Nikita Romanovich Zakharyin-Yuriev]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2015. No. 3. Pp. 146–150.
- Belyaev, L. A. Nadgrobiya s epitafiyami v kul'ture Moskvy kontsa XVII v. i "Epitafion" Sil'vestra Medvedeva v pamyat' Simeona Polotskogo [Tombstones with Epitaphs in the Culture of Moscow in the Late 17th Century and the "Epitaphion" by Sylvester Medvedev in Memory of Symeon of Polotsk]. In *"Vertograd mnogotsvetnyi". Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori*. Moscow, 2018. Pp. 501–516.
- Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrja XVI–XVII v. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Catholicon of the Novodevichy Convent, 16th – 17th cc.: the Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 5–20. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Belyaev, L. A., Krenke, N. A. Monastyrskii nekropol' XVI–XVII vv. Plity iz Zachat'evskogo monastyrja [Conventual Necropolis of the 16th – 17th Centuries. Gravestones from the Zachatyevsky Convent]. In *Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII vv. Materialy k svodu*. Moscow, 2006. Issue 1. Pp. 44–50.
- Belyaev, L. A., Romanov, N. S., Shlionskaya, L. I. Nadgrobiya igumenii Eleny Devochkinoi i skhimnitsy Feofanii v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Abbess Elena Devochkina and the Schemanun Theophany in the Novodevichy Convent]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2010. No. 2. Pp. 156–165.
- Berkovich, V. A., Egorov, K. A. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog [Muscovite White Gravestones: Catalogue]. Moscow, 2017. 768 pp.
- Girshberg, V. B. Nadpisi iz Georgievskogo monastyrja [Inscriptions from the Georgievsky Convent]. In *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya*. Moscow, 1954. Pp. 95–130.
- Girshberg, V. B. Materialy dlya svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. Ch. I: Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for a Collection of Inscriptions on the 14th – 17th Centuries Gravestones of Moscow and Moscow region. Part I: 14th–16th Centuries Inscriptions]. In *Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1960. Vol. 1. Pp. 3–77.

- Glyzina, L. I. Byl li knyaz' F. A. Telyatevskii inokom Epifaniem? [Was Prince F. A. Telatyevsky a monk Epiphanius?]. In *Vestnik Kirillo-Belozerskogo muzeya*. 2009. No. 6. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=5468> (accessed 01 December 2019).
- Golitsyn, N. N. Rod knyazei Golitsynykh [The Clan of the Princes Golitsyn]. Saint Petersburg, 1892. Vol. 1. Materialy rodoslovnye. XVIII, 611 pp.
- [Golovin, N. G.] Mikulinskaya letopis', sostavlenneya po drevnim aktam s 1354 do 1678 g. [The Mikulin Chronicle Compiled According to Ancient Acts, 1354–1678]. Moscow, 1854. 79 pp.
- Istoricheskaya zapiska o sele Mikulino Gorodishche i drevnei v nem nakhodyashchiesya sobornoj kamennoj vo imya sv. Arkhangel'a Mikhaila tserkvi [A Historical Note about the Village of Mikulino Gorodische and Located There the Ancient Stone Cathedral in the Name of the St. Archangel Michael]. Tver, 1852. 26 pp.
- Istoriya rodov russkogo dvoryanstva: V 2 kn. [The History of the Families of the Russian Nobility: In 2 Books]. Compiled and edited by P. N. Petrov. Moscow, 1991. Book 1. 430 pp.
- Kirichenko, L. A., Nikolaeva, S. V. Kormovaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya 1674 g. (Issledovanie i publikatsiya) [The Kormovaya Book of the Trinity Sergius Monastery of 1674 (Research and Publication)]. Moscow, 2008. 519 pp.
- Kositsyna, M. Yu. Litsevoe shit'e XVII veka iz knyazheskikh i boyarskikh svetlits v sobranii muzeya "Novodevichii monastyr'" [The 17th Century Obverse Needlework from Svetlitsas (Light Rooms) of Princes and Boyars in the Collection of the Novodevichy Convent Museum]. In *Drevnerusskoe khudozhestvennoe shit'e. Materialy i issledovaniya Gosudarstvennykh muzeev Moskovskogo Kremlya*. Moscow, 1995. Issue 10. Pp. 115–126.
- Leonid (Kavelin), archimandrite. Spisok pogrebennykh v Troitskoi Sergievoi Lavre ot osnovaniya onoi do 1880 g. [List of Those Who Were Buried in the Trinity Lavra of St. Sergius from the Day It Was Founded until 1880]. Moscow, 1880. 101 pp.
- Likhachev, N. P. Novoe rodoslovie knyazei Golitsynykh [A New Genealogy of the Princes Golitsyn]. Saint Petersburg, 1893. 26 pp.
- Nadpisi, nakhodyashchiesya v Novodevich'em Moskovskom monastyre v tserkvakh i raznykh mestakh nad umershimi [The Inscriptions Located in the Muscovite Novodevichy Convent in Churches and Various Places above the Buried Bodies]. In *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika*. 2nd Edition. Moscow, 1791. Part 19. Pp. 293–304.
- Nikolaeva, T. V. Novye nakhodki na territorii Zagorskogo muzeya-zapovednika [New Findings in the Territory of Zagorsk Museum-Reserve]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1957. No. 1. Pp. 251–255.
- Nikolai Mikhailovich, Grand Prince. Moskovskii nekropol' [Moscow Necropolis]. Saint Petersburg, 1907. Vol. 1. XXIV, 519 pp.
- Opisanie istoriko-arkheologicheskoe drevnostei i redkikh veshchei, nakhodyashchikhsya v Kirillo-Belozerskom monastyre [Historical and Archaeological Description of Antiquities and Rare Things Stored in the White Lake St. Cyril's Monastery]. Compiled by archimandrite Varlaam. Moscow, 1859. 104 pp.
- Shamin, S. M. Nadgrobiya Troitskogo Belopesotskogo monastyrya [The Tombstones in the Trinity Belopesotsky Monastery]. In *Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII vv. Materialy k svodu*. Moscow, 2006. Issue 1. Pp. 385–394.
- Sheremetevskii, V. V. Russkii provintsial'nyi nekropol' [Russian Provincial Necropolis]. Moscow, 1914. Vol. 1. IX, 1008 pp.
- Shlionskaya, L. I. Tsarskie grobnitsy v Novodevich'em monastyre [Tombs of the Tsars in the Novodevichy Convent]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii*, 1995 g. Moscow, 2001. Pp. 94–113.
- Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G. Nadpisnoe nadgrobie XVII v. iz raskopok Kazanskogo kremlya [The 17th Century Tombstone with Inscriptions from the Excavations in the Kazan Kremlin]. In *Archeologia abrahamica: Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. Moscow, 2009. Pp. 385–394.
- Slovar' arkhitektorov i masterov stroitel'nogo dela Moskvy XV – serediny XVIII veka [The Dictionary of Architects and Construction Masters of Moscow in the 15th – the Middle of the 18th Centuries]. Contributing editor: I. L. Buseva-Davydova. Moscow, 2008. 772 pp.
- Snegirev, I. M. Sobor v sele Mikulino Gorodishche [The Cathedral in Village of Mikulino Gorodische]. Moscow, 1851. 24 pp.

Stefanovich, P. S. Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh [Parish and Parish Clergy in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2002. 349 pp.

Trubnikova, O. A. Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.) [The History of the Novodevichy Convent Necropolis (the 1530s – the 1930s)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkhologiya, iskusstvo, okhrana)*. Moscow, 1991. Pp. 106–123.

Tverskie akty, izdannye Tverskoi uchenoi arkhivnoi komissiei [Tver Acts Issued by the Tver Scientific Archival Commission]. Edited by S. A. Shumakov. Tver, 1896. Issue 1. 198 pp.

Vishnevskii, V. I. Obronnnye nadpisi na nadgrobiyakh v Troitse-Sergievoi Lavre [Embossed Inscriptions on Tombstones in the Trinity Lavra of St. Sergius]. In *Voprosy epigrafiki*. Moscow, 2015. Issue 8. Pp. 314–329.

Zabelin, I. E. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, 2001. Vol. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII st. [Domestic Life of the Russian Tsarinas in the 16th and 17th Centuries]. 772 pp.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey V. Topychkanov

Lomonosov Moscow State University, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TOMBSTONES OF THE PRINCELY FAMILY OF GOLITSYN
IN THE NOVODEVICHY CONVENT (MOSCOW), 16th – 17th CENTURIES

The article discusses the three tombstones of the late 16th – 17th centuries belonging to the princes Golitsyn, one of the most famous and ramified clans of the Russian aristocracy. The reason for the study was given by extensive archaeological work related to the restoration of the Novodevichy Convent. One of the gravestones (Fedor Andreyevich Golitsyn, † 1591) is known only by description; the second one (Andrei Andreyevich Golitsyn, † 1626) is recently found and is published for the first time. Both belong to infants, unknown according to other documents. The third tombstone – Feodosia Andreevna Telyatevskaya (monastic name Eufrosinia, in the schema Fevronia), wife of Ivan Andreevich Golitsyn – was known, but was not published with detailed analysis. The study shows the unusualness of its design, including the signature of a master named Kuzma. Signatures of tombstone carvers are still not known in the 16th – 17th centuries Moscow. The date of death of Feodosia has been made more accurate: 1652 instead of 1655. The article established that this tombstone was moved to Cathedral Church of the Novodevichy Convent. The conclusion is that there are no strong ties between the Golitsyns and the Novodevichy Convent in the 16th – 17th centuries.

Keywords: Early Modern time, Tsardom of Muscovy, monastic archaeology, tombstone, epigraphy, paleography, genealogy, Golitsyns, aristocracy